

Фильм «Т-34» — один из немногих, который захотелось посмотреть на большом экране. Режиссёр и сценарист Алексей Сидоров. Жанр на афише обозначен как драма. В основе сюжета реальная история танкиста, сумевшего сбежать из немецкого плена на советском танке. Думаю, эта история послужила только идеей, толчком к написанию «патриотического» сюжета. А дальше (увы, возможно ли избежать этого при создании фильма для современного массового зрителя) пошёл «Голливуд» — супергерой, только спасая девушку, открывает своё имя. В итоге спасает и её и себя, и всё заканчивается счастливой любовью. Если же вот это внешнее отбросить, то фильм исполнен в традициях русского кинематографа.

В 1941 году под Москвой молодой лейтенант Ивушкин, как командир танка, вступает в бой с несколькими танками противника (сцена снята динамично, убедительно, захватывающе, в хороших декорациях — была построена настоящая деревня: художники Константин Пахотин, Ульяна Полянская). Он почти побеждает, но силы слишком не равны...

Далее действие сразу переносится в 1944 год, в Германию. Пленному Ивушкину (в этой роли Александр Петров — артист много снимающийся, чувствующий психологию своих героев, не красавец, но с сильным внутренним стержнем) предлагают побыть мишенью в танке Т-34 для немецких курсантов. Но не тут-то было... Дальше начинается именно приключение, но не пошлая пародия, а героическое возвышение русского солдата. Даже любовная сцена снята без всяких откровений, целомудренно.

Так мы возвращаемся к своим национальным корням в кинематографе. Во всяком случае, хочется в это верить.

Прочитал сегодня одно из писем, пришедших ко мне по электронной почте, и вспомнил строчку стихотворения Николая Рубцова про «злой, настагающий топот». Вот вроде человек может быть умным, обремененным знаниями, но нет Бога в душе, и такая мерзкая слизь, мелочность, себялюбивая гордыня сочтется из неё, что невольно с брезгливостью отшатнёшься, увидев и почувствовав всё это.

Конечно, к предательствам невозможно привыкнуть (начинаешь вспоминать, сколько всего для человека сделал, а он... — ох уж эта наша слабость запоминать свои благодеяния), но с облегчением замечаю за собой в последнее время, что они не задевают глубоко. Как грязь, которая испачкала рубашку: неприятно, но стряхнул её и пошёл дальше с пониманием, что ничего страшного не произошло.

5 января

Наткнулся в Интернете на документальный фильм «Русский Златоуст» о митрополите Иоанне (Снычеве), и не смог оторваться, пока не досмотрел до конца. Режиссёр Иван Душенов. Сценарий Константина и Елены Душеновых. Вышла картина под эгидой «Общества ревнителей памяти Митрополита Иоанна (Снычева)», 2017 г. Несколько раз слёзы на глаза накатывали — не мог сдержаться. А ведь ничего «душещипательного» в фильме нет. Просто я хорошо помню то невыносимо мерзкое время 90-х годов прошлого века, когда возвысил свой праведный голос митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Иоанн.

Как это было спасительно для многих из нас, душеукрепляюще. Может быть, я тогда и осознал, что с Богом всё возможно преодолеть. И собственную немощь и непонимание близких, и предательство друзей. Главное — сам будь уверен в своей правоте, обратись к Нему через свою совесть. В ошибках и падениях (собственных) кайся с полным пониманием недостойного совершённого по слабости своей. Но в главном продолжай путь, определённый Им, и тогда многие сомнения и страхи оставят, не возьмут верх над твоим сердцем.

Как травили тогда митрополита в «демократических» СМИ, сколько было непонимания среди иерархов РПЦ (известно высказывание нижегородского владыки митрополита Николая (Кутепова) о книгах владыки Иоанна, что их надо все сжечь), да и сейчас сопротивления его памяти предостаточно, но он продолжал бесстрашно говорить то, что следовало. И, в итоге, оказался прав. Вечная ему память.

6 января

Готовил к печати письмо бабушки Андрея Стариченкова — Антонины Павловны Стариченковой. Читал об апокалипсических днях блокады Ленинграда, и сердце моё ломило, будто оно окаменело, и кто-то его внутри меня сжимал до того, чтобы оно, треснув, рассыпалось. Как много изменяется в человеке при столь страшных событиях. Голод рушит всё привычное, устоявшиеся принципы общения. И кто-то звереет, а кто-то жертвует, кто-то борется за свою жизнь, а кто-то умирает от того, что завершилась жизнь любимого человека. Обнажено всё в подобной жизни, всё выходит наружу. Смерть рядом даже не ежедневно, а ежечасно. Натуризм и мистика свершающегося — всё смешивается в невыносимое страдание.

«Мы ночевали на одном диване, прижавшись друг к другу. Нюра с малышом, Дуся и я с ребятами. Дверь нашей комнаты была напротив входной двери, разделял их только узенький коридорчик. Вдруг послышалось мне, что зашёл кто-то в комнату к нам, таким холодом с улицы потянуло. Повернула голову и вижу: посреди комнаты стоит скелет с косой в чёрном одеянии. Я закричала, разбудила всех, стала рассказывать. Меня успокаивали, но уже никто из женщин заснуть не мог... Дуся сходила после на Неву за водой. Мы с Нюрой разломали стул, затопили печь, стали разогревать воду. Когда поднесли дяде Яше его порцию — не берёт... Женщины подошли, а он уже застывший лежит... Нюра взяла своего младенца и вдруг как закричит: «Володя тоже умер!»... В этот же день умерла соседка, работавшая раньше в консерватории, и ещё двое других соседей».

Невероятно, но все эти свои немислимые страдания (физические, нравственные, духовные) мы своим врагам очень быстро и незлопамятно простили — не мстя, не унижая и не разоряя их. А в 90-е годы ещё и чуть ли не стали перед ними каяться за свою победу во Второй Мировой войне. К чему привело нас наше великодушие — теперь можем оценить в полной мере.

24 января

В продолжение записи от 24 января, без всяких дополнительных собственных рассуждений, приведу здесь цитату из письма от 23 июля 1942 года секретаря нацистской партии Мартина Бормана Розенбергу, в котором излагались взгляды Гитлера по отношению к населению СССР (до Урала), и в первую очередь к русским. Взял документ из книги Николая Коняева «Генерал из Трясины. Судьба и история Андрея Власова. Анатомия предательства» (М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2012):

«Славяне призваны работать на нас. Когда же мы перестанем в них нуждаться, они могут преспокойно умирать. Поэтому обязательные прививки и немецкая система здравоохранения для них излишни. Размножение славян нежелательно. Они могут пользоваться противозачаточными средствами или делать аборт, чем больше, тем лучше. Образование опасно. Вполне достаточно, если они смогут считать до 100. Каждый образованный человек — это будущий враг. Мы можем оставить им религию, как средство отвлечения. Что касается пищи, то они не должны получать ничего сверх того, что абсолютно необходимо для поддержания жизни. Мы господа. Мы превыше всего».

Нет, не удержусь и всё-таки прокомментирую эту цитату, проецируя её содержание на наше общее с Европой историческое прошлое.

Все эти «размышления» родились в «просвещённой Европе». Всегда власти (или представители «высшего света») в России стремились и стремятся быть с ней равной, и искренне дивятся «двойным стандартам» по отношению к себе, в то время, когда для русских там и вовсе никаких стандартов нет — только рабство, прислуживание «господам». Ничего в этом раскладе отношений изменить невозможно — ни тогда, ни сейчас, ни в будущем. Даже если России, как уже бывало, придётся спасти их жизни, они и за это не будут благодарны. Напротив, сочтут, что делают этой стране великую милость, позволяя спастись. Высокомерие Европы неизменно.

6 февраля

Перечитываю, перелистываю интереснейшую книгу Н.Н. Третьякова «Образ в искусстве. Основы композиции», и замечаю ранее отмеченные в ней карандашом такие размышления Николая Николаевича:

«Мы живём в эпоху, когда время бежит быстрее, как бы сокращаясь. Мелькают дни и годы, и понятие вечности уходит из нашей жизни. Восприятие времени претерпевает существенные изменения. Здесь немалую роль играет и современная информация, и новые средства передвижения, появившиеся в XX веке, и та психологическая суетливая торопливость, с которой мы живём, забывая о том, что время может быть и другим... Появились факты, подтверждающие сокращение времени. Известно, что масло в лампадах, зажжённых над Гробом Господним в Иерусалиме, стало выгорать медленнее, чем это происходило раньше, поскольку иначе движется самое время. Мы его не можем измерить, и оно не поддаётся рациональному анализу, но, тем не менее, факт ускорения налицо».

В связи с этим вспомнился недавний случай, свидетелем которого мне невольно пришлось быть во время посещения в Москве Спасо-Андроникова монастыря. За трапезой о. Вячеслав Савиных только обмолвился, что время сейчас ускорило не в переносном, а в прямом, физическом смысле (Думаю, настоятель Храма Спаса Нерукотворного Образа имел в виду размышления Третьякова или нечто подобное в изложении других авторов.), как его перебили одновременно два члена прихода (или подвизающиеся здесь работники — точно этого я знать не могу) с возражениями и буквально подняли старого священника на смех. Тот смиренно умолк. Мол, вероятно, что и ошибаюсь — как знать.

Я тогда на это обратил внимание лишь потому, что не так давно смотрел документальный фильм, в котором видные учёные объясняли само понятие — время. Оказывается, это не совсем то, что мы считаем в повседневном, бытовом плане. Это сложное физическое, научное явление. Но для малообразованных (потому и абсолютно уверенных в своей правоте) обывателей всё предельно ясно и понятно. Они готовы давать свои оценки хоть физике, хоть искусству, хоть политике, хоть философии или управлению государством. Я к такому их поведению, лишённому всяких сомнений, привык. Хотя нет-нет, да срываюсь в объяснения, даже спор (совершенно бесполезный).

Но в случае с о. Вячеславом меня тронуло это непоказное, естественное, мудрое смирение. Смирение не ума, не сердца — души. Там за общим обеденным столом я осознал, что совершенно не способен поступить так же — даже если очень захочу, постараюсь. Для такого, кажущегося совершенно простым, поступка нужен иной опыт, иное ощущение мира вокруг себя, иное отношение к людям.

24 февраля

Сколько раз мне приходилось спорить с местными «православными патриотами», что революция в России произошла не вдруг в 1917 году, а из-за долгого периода нестроений внутри самого государства. Это объективный и неопровержимый факт, который совершенно не воспринимают эти люди — от современных «дворян» до ревнителей церковных традиций. Потому и делаю для себя ещё одну выписку на память по затронутой теме.

Выпуск № 7 сборника статей «Хоругвь» (Издание Храма Спаса Нерукотворного Образа в Андрониковом монастыре. Москва. 2002) подарил о. Вячеслав Савиных. В журнального вида книжке статья О.В. Никифоровой «Преосвященный Владимир (Соколовский), последний настоятель Спасо-Андроникова монастыря. Екатеринбургский период служения (23 декабря 1903 — 18 марта 1910 гг.)». Текст большой — более сорока страниц убористого шрифта.

Впрочем, тут же публикуются и несколько фотографий. В статье автор довольно много цитирует письма епископа, направленные митрополиту Киевскому Флавиану. Вот от 24 мая 1905 года:

«Пишу из мятежного Тагила (47 тыс. жителей)... Завод один за другим и фабрики бастуют, бьют нелюбимых людей, поджигают дома... Пострадали в Алапаевском заводе и духовные. На 6-е мая возвращался в Екатеринбург. Там были покушения босяков ограбить женский монастырь (972 обительницы)... Площадь была занята многими тысячами народа — бунтовали против купцов и хозяев, а не против царя. Студенты, жида буквально из города бежали... немало их били. Губернатор бежал было из Перми (окна выбили, из револьверов стреляли), но потом возвратился в Пермь, с войсками... Бунтовали в Перми против царя и власти сотни учителей, под предводительством начальницы гимназисток... Народ открыто грозит побоями агитатору, а худшая его часть и босяки рады смуте».

Из этого письма разве не видно, что задолго до событий 1917 года русский народ, культивируя внутри себя смуту, устремлённо двигался к пропасти?

А вот из другого письма митрополиту от 11 июня 1905 года:

«Приговаривают социалисты меня в прокламации к смерти. Жребий выпал исполнить на студента-технолога, но он не захотел, застрелился... Срок убить меня определён до 15 июня. Подождём, увидим. Завещание в консистории... если на то воля Божия и что случится, прошу панихидку».

Далее из письма от 27 сентября того же года:

«Сегодня мятежная толпа ворвалась в зал земского собрания, речами и революционными песнями разогнала его... Получил письмо от анархистов: «Уходи скорее... иначе будет тебе то же, что Серёжке Романову». ...Напряжение измучило меня».

И из декабрьского письма. Может быть, это самые горькие и наиболее полно объясняющие то, что произошло через немногим более десяти лет.

«Внутренний церковный мятеж не менее страшен. Управляющий местным свечным заводом священник Уфимцев в параллель нашим пастырским собраниям под моим председательством завёл свои тайные. В местной печати революционных газет вдруг появился целый ряд статей от Екатеринбургского кружка духовенства со страшными хулами на Церковь... Он хвалился мне, что находится в переписке с центральным комитетом в Петербурге; а один из его сторонников (их 19, все молодые священники из семинаристов) хвалится, что переписка ведётся с деятелями пресвитерианского движения 18 русских епархий... Если Дума будет красная, тогда она попытается попортить Божий Закон. Либеральные иереи будут главными помощниками... Главным вдохновителем священника Уфимцева и писателем статей и бунтарных воззваний оказался учитель Екатеринбургского духовного училища Успенский... который написал на меня пасквиль митрополиту Антонию...»

Какие ещё более весомые доказательства нужны в подтверждение моих слов? Слышу этот живой голос из 1905 года и понимаю — в таком состоянии страна не могла не оказаться в кровавом междоусобном хаосе. Но разве наши новоявленные «дворяне» способны услышать этот «голос» из прошлого века?

25 февраля

Переслали мне материалы, подготовленные Ириной Николаевной Рыленковой (дочерью писателя и поэта) — статья её отца «Чувство родного слова», отклики (письма) после её публикации в «Литературной России» в 1967 году, стихи Николая Ивановича. В сопровождающем письме Рыленкова уточняет: «Статья вызвала широкий резонанс в стране...» Действительно — текст интереснейший и совершенно не потерявший своей актуальности сейчас. Даже напротив — сейчас он имеет ещё большее значение. Статья написана — как песня пропета.

К сожалению, такое живое отношение к слову, восторженное понимание его (от бытового до нравственного значения) в современной нашей жизни становится почти немислимым. Сложилась ситуация, когда язык сам по себе, а наша жизнь сама по себе. И в такой атмосфере язык катастрофически быстро беднеет, вымирает, заменяется обобщённым «общечеловеческим» суррогатом.

«Чувство слова у писателя неразрывно связано с чувством жизни, с глубиной её познания. Я никогда не поверю, что пишущий серым, невыразительным языком литератор хорошо знает жизнь. По всей видимости, знания у него такие же стандартные, как и язык».

Стоит ли говорить, что за прошедшие пятьдесят лет этот разрыв с истинным чувством жизни только увеличивался.

Интересны (и полемичны) письма Фёдора Сухова в ответ на прочитанную статью (они были в архиве и никогда не публиковались). В них поэт критичен (относительно нашей истории), не боязлив, открыт: «Много лет у нас выбивали наши души, мы забыли свою историю, а поэтому и забыли свой язык... Грусть, печаль — у нас до сих пор под запретом. Мы не знаем, что такое жалость, испохаблено само понятие человечности, добра».

В другом письме от 4 января 1968 года тема развивается дальше — уже с долго хранимой в душе болью: «В истории всех времён и всех народов не было такого случая, такого факта, когда бы так жестоко наказывались обыкновенные человеческие чувства (печаль, жалость, грусть)... ведь кроме «рязанских маратов» были «рязанские мужики, были дети, женщины, старики, которых «гуртом» (Твардовский) отвозили в места, где не было ни единого прутика. Не думайте, что всё это я знаю понаслышке, всё это происходило на моих глазах моего малолетства... Знаю, придёт время, не мы, так наши дети услышат такую правду, от которой содрогнётся земля...»

В общем, достойная предстоит публикация в «Вертикали. XXI век». Буду писать ответ Ирине Николаевне, благодарить и за гостеприимство в Смоленске, и за подборку этих материалов к 110-летию её отца.

26 февраля

Солнечный морозный день. На электричке едем вместе с приятелем за город в гости к художнику. Хозяин традиционно встречает приветливо, хлебосольно, потому застольные разговоры затянулись до самого позднего вечера. Поднимались и в мастерскую, обсуждали его новые работы, которые большей частью только намечены на холсте.

Приятель пишет мемуары, и потому, находясь на «волне прошлого», в разговоре часто обращается к воспоминаниям. Коснулись темы умаления доброты в нашей жизни. Мне вспомнился случай, который произошёл очень давно, но как оказалось, на протяжении десятилетий сохранялся в моей памяти. Попытался рассказать его своим собеседникам, но они (это уже традиционно) слушать не стали. Это вообще беда нынешнего времени — нежелание слушать кого-либо, лишь бы самим выговориться. Ну, да это так, замечание на ходу. А вот тот давний случай я здесь, пожалуй, запишу.

Было мне тогда чуть более двадцати лет. Я только что отслужил два года в армии, где и «заболел» писательством. Но жизненного опыта было, конечно же, совсем мало. Потому сюжеты для своих рассказов пытался «выловить» из окружающей жизни. В то время настала пора свадеб — мои приятели, да и просто знакомые, начали жениться. Никогда мне эти торжества не были по душе, чаще всего уходил довольно быстро от застолья, потому что становилось невыносимо скучно. Но однажды разговорился с рядом сидящим мужчиной о прошлой жизни у нас на Стрелке. Вспомнил деревянные железнодорожные мосты, что соединяли берега двух бывших ярмарочных каналов. Как оказалось, их строил мой собеседник. Он работал на них плотником.

Уж не помню, что и как я ему говорил (что-то доброе о сделанном им, о не напрасно прожитой им жизни), но мужик вдруг расплакался. Это меня потрясло. Молодость довольно скупа на эмоции, черства сердцем, эгоистична, а тут... Супруга моего собеседника стала его успокаивать, как-то шутить, но он мало обращал на неё внимания, а мне промолвил: «Таких слов за всю жизнь мне никто не говорил».

Свадьба проходила в деревенском деревянном доме с левой стороны улицы Родионова. С правой уже были выстроены современные деревянные дома. Я ушёл от застолья, по заросшему лесом откосу прогулялся в сторону Волги, а в голове уже что-то «заработало». Мне захотелось рассказать о жизни этого человека, обделённого добром и вниманием. Так первоначально зародился замысел повести «Мост», в процессе работы над которой первоначальная довольно поверхностная тема трансформировалась в нечто совсем иное.

Не один раз повесть мною переписывалась, пока не вышла в местном издательстве в далёком 1988 году. Но всё-таки тот первоначальный заряд, что получил я в случайном разговоре (и для меня это вне всяких сомнений), в ней остался.

Мало добра в нашей жизни и отзывчивости, мало жертвенности и сострадательности. Преобладает эгоизм и трусость. Прожив теперь уже более шестидесяти лет, я знаю, о чём говорю.

2 марта Горбатовка

Новая Зеландия. Городок Крайстчерч. Расстрелы людей в двух мечетях. Погибло 49 человек. Один из стрелявших вел прямую трансляцию в интернет. Позже его арестовали. Это 28-летний уроженец Австралии, который заранее в сети обнародовал свой манифест, мотивировав произошедшее побоище ненавистью к мигрантам. Мужчина напоминает в своём тексте о теракте в Стокгольме, когда грузовик, которым управлял гражданин Узбекистана, убил пятерых человек, в том числе 11-летнюю девочку. Именно за неё Брентон Таррант обещал отомстить. «Это были нападки на моих людей, нападки на мою культуру, нападки на мою веру и нападки на мою душу» — написал австралиец в своём манифесте.

Новая Зеландия в качестве насилия, нетерпимости всегда казалась мне сдержанной страной, живущей спокойно где-то на периферии мировой политики и охватывающей весь мир безумной жестокости. Вот цифры статистики: за весь 2017 год в стране было убито всего 35 человек. Но зло порождает зло. И вот за тысячи километров от Скандинавии, на острове за два океана звучит эхо произошедшего в Швеции. Как же стремительно всё меняется в мире. Как он становится беззащитен и хрупок.

Сегодня исполнилось 95 лет писателю Юрию Васильевичу Бондареву — фронтовику-сталинградцу, классику русской литературы. И если о 85-летию М. Жванецкого трубили все центральные каналы, показали его творческий вечер, то тут традиционный молчок. Ни торжеств, ни высших государственных наград, ни слов благодарности...

15 марта

С запозданием (впрочем, так ли уж это важно) отослал письмо с поздравлением Ю.В. Бондареву. Тёплые у меня остались впечатления от наших прежних встреч, разговоров.

В честь юбилея по телеканалам «Культура» и «Первый» показали фильмы по романам писателя — «Горячий снег» и «Тишина». А были сняты и по «Берегу» и по «Батальоны просят огня»... Но вот странно — я не хочу сказать, что эти фильмы не правдивы, не передают атмосферу изображаемого времени, ущербны в режиссёрской и актёрской работе. Конечно — нет. Но, ни один из них, на мой взгляд, в художественной изобразительности не достигает той вершины правдивости, которой достигает Бондарев в своих книгах, в которых всё точно, логично — от внешних событий до глубоких душевных переживаний героев, от запахов до цвета, от действия до противодействия. При чтении произведений Юрия Васильевича испытываешь полное погружение в иную жизнь, в иную атмосферу. Отсюда и фундаментальность нравственных постулатов, которые невольно (следуя логике правды) утверждал Бондарев своей прозой. Именно это последнее и отвергалось обществом «десятилетия перемен» в России. Их боялись, от них прятались. С этими вечными нравственными критериями, казалось, невозможно было жить. Но и удалить их из души человека тоже оказалось невозможно. И эти противоречия многих ставили в тупик. Потому Бондарев и оказался не ко двору власть предержащих. Потому им хотелось забыть о существовании такого писателя. Но его величество книга не позволит это сделать.

Я совершенно искренне послал Юрию Васильевичу такой текст, написанный от руки:

Дорогой Юрий Васильевич!

Поздравляя Вас с замечательным Днём рождения, я искренне и с восхищением хочу сказать — какое счастье, что Вы есть в русской литературе, как это бесценно, важно и для её прошлого, и для её будущего.

Перечитывая произведения из Вашего собрания сочинений, я невольно восхищался Вашим могучим талантом художника, Вашим гражданским подвигом — какие правдивые образы населяют эти романы, повести, рассказы, по которым будущие поколения русских людей будут понимать, постигать историю своей страны.

И как бы эту историю не извращали, герои Ваших произведений во все времена всё будут расставлять по своим местам. Потому что они вышли из-под пера мудрого писателя, светлой души человека.

Позвольте мне от всего сердца пожелать Вам здоровья.

Ваш

Председатель Нижегородской областной организации Союза писателей России, главный редактор журнала «Вертикаль. XXI век» В.В. Сдобняков

18 марта

О двух смертях.

Слушал невероятно красивую музыку Вячеслава Александровича Овчинникова к гениальному фильму Сергея Фёдоровича Бондарчука «Война и мир». Такое ощущение, что что-то замирает внутри от этих звуков, от этой гармонии, что далёкой памятью как-то сопряжена с душой, вечностью, первозданством. Месяц назад композитор, дирижёр, музыкант ушёл из жизни. Ему было за 80 лет — народный артист РСФСР. Сообщил об этой скорбной новости в блоке новостей только канал «Культура».

Зато вот уже несколько дней все центральные каналы страны трубят не переставая о ранней смерти певицы из круга современной российской попсы Юлии Началовой. Я пытался посмотреть последние новости, но, листая каналы, невольно наткнулся на передачи о Юлии. Именно ей посвящены многочасовые ток-шоу (слово-то какое-то вывернутое наизнанку), на которых неустанно обсуждаются её браки и разводы, её похудения и смены размеров груди. Крутят её клипы, концертные записи. Конечно, 38 лет слишком рано для ухода из жизни, даже если сам человек так издевался над своим организмом. Остался сиротой ребёнок. Все это по человечески понятно и сочувственно... Но весь этот суетливый телевизионный шабаш не может не вызывать и недоумения, раздражения, возмущения. Сколько достойных людей, чьи заслуги перед Россией велики и неоспоримы, тихо и безвестно уходят из жизни. В этом ощущается великая несправедливость. Зато все эти пересмешники, кривляки шумно по несколько дней празднуют на телевизионных экранах уже и свои 40-летия, 45-летия, власть награждает их высшими орденами страны...

Мы всё больше и больше превращаемся в страну попсы – равнодушной к заботам и переживаниям Отечества, антиполитичной и себялюбивой, живущей за границей, а здесь через телевидение насаждающей культ безвкусицы, пошлости, эгоизма.

Неужели это одичание происходит само собой?..

26 марта

За прошедшую неделю произошли аресты ещё двух политиков-бизнесменов: Михаила Абызова и Виктора Ишаева. Первый шесть лет был министром РФ по деятельности Открытого правительства (и стал богачейшим человеком, сейчас живущим с семьёй за границей); второй и того больше — губернатор Хабаровского края — 18 лет, полномочный представитель Президента РФ в Дальневосточном Федеральном округе — 4 года, доктор экономических наук, академик РАН (всё случилось во время губернаторства). Обвиняют Михаила Анатольевича и Виктора Ивановича в воровстве больших денег. Очень больших, если даже в залог за не задержание (не помещение в тюрьму) Абызов готов был внести один миллиард рублей (по одному только делу его обвинят в хищении и выводе за границу четырёх миллиардов рублей). Сколько же ресурсов у страны украдено. И как бы она сейчас должна жить, если бы не это воровство. Но гибельная человеческая жадность никаких разумных пределов не имеет.

Эти новости так резонируют с тем, о чём сейчас читаю в книге «Размышления о бессмертной душе», составленной архимандритом Иоанном (Крестьянкиным). Вот мысль из проповеди Митрополита Крутицкого и Коломенского Николая (Ярушевича): «Душа жаждет уяснить, в чём смысл нашей жизни и почему жизнь так коротка, а человеку хочется много сделать и совсем не хочется уходить из этой жизни. Душа жаждет уничтожить все колебания, сомнения, недоумения... Чтобы по вере своей мы могли проникнуть в духовный невидимый мир и, познав его, стараться жить здесь свято».

Да разве же стяжательством, накопительством подобного состояния можно достичь?

31 марта

Ну вот что мне на всё это сказать? Прошло заседание расширенной коллегии Министерства культуры Нижегородской области (накануне пришло письмо, что меня включили в её состав, хотя это некоторая формальность.) Подведены итоги ушедшего года, определены задачи на будущее. Подготовлены несколько выступлений. И началось: всё упование на развитие только «современных технологий», на продвижение «молодёжных проектов» и т.д. Бесспорно — работа с молодыми в сфере культуры необходима, но делать это нужно на основах традиции, заложенных предшествующими поколениями деятелей искусства России, а не подражания только «западным образцам». Сама по себе энергия молодости не гарантия качественного результата в любой сфере. В начале 90-х годов призвали во власть в стране молодых реформаторов, напитавшихся «тамошних» идей. Младшие научные сотрудники, объявившие

бывшие до них ретроградством, сначала развалили страну, а затем и всю экономику в расколовшихся её частях. И для реанимации жизни в России пришлось вновь привлекать во власть «стариков», с их опытом и знаниями. Так что все эти «кластеры» и «мультиплексы», экспериментальные театры «NEXT» хорошо (может быть), но и о традициях забывать не стоит.

4 апреля

Читаю «Общеписательскую литературную» (№ 3, 2019 г.) и испытываю глубокое ностальгическое чувство. Или что-то в этом роде. Низом Косим (председатель Союза писателей Таджикистана) в статье «Великий наш сосед» вспоминает Чингиза Айтматова. Станислав Куняев рассказывает о своей дружбе с бурятским поэтом Дондоком Улзытуевым в статье «Великий евразец». Тут же целый разворот с «Мгновениями» Юрия Бондарева (в честь 95-летия писателя). Да и моя страница с заметками о нижегородских писателях И.К. Кузьмичёве, А.В. Мюрисепе, Б.И. Лукине не лишняя. И всё это говорит о времени, безвозвратно потерянном нами. Теперь-то мы можем понять (глядя со стороны на прошлое), какой это был невероятной силы и глубины материк под названием ЛИТЕРАТУРА СССР. Ведь все эти писатели, имена которых по воле случая встретились на страницах газеты, кто более яркого таланта, кто менее, имели возможность разговаривать с огромным количеством читателей, не разделённых границами. А значит, и языковой барьер преодолевался благодаря переводам. Работала единая «литературная система» на огромном пространстве Евразии. Но произошло политическое разделение единой страны. И как много мы все потеряли. Враз наши литературы обмельчали — в том числе и русская. Не стало ярких имён именно как писателей-художников, писателей-творцов. Этот труд оказался заменён большей частью поспешно написанным чтивом, текстом, а не созданным произведением.

Так уж получилось, что в эти дни на подобные темы говорили и с приходящими в Союз писателей И.К. Кузьмичёвым, Я.В. Кауровым, и в мастерской (новой у площади Лядова) К.И. Шихова, куда я принёс для художников первую книгу «Искр...».

Это чувство угнетённости (душевной), разочарования, оно не от «старческой ностальгии по прошлому». Потому что и прошлое это у каждого было своё и не совсем простое. (Юсова и Данилина исключали из Горьковского художественного училища по «политической ненадёжности» именно из-за их творческих поисков, а Шихов, тогда молодой педагог этого училища, их защищал перед дирекцией и коллегами — об этом рассказали сами Евгений и Альберт.) И всё-таки потерянным оказалось намного больше.

Мы из того поколения, которому важно быть востребованными именно как творцы.

13 апреля

Информационное агентство «РИА Новости» распространило данные опроса «Левада-Центра» об отношении граждан России к личности Иосифа Сталина. 70% считают её положительной, 11% затруднились ответить и только 19% оценивают её отрицательно. Отмечается, что это рекорд за все годы подобных исследований. Любопытны и другие данные. 51% респондентов восхищаются генералиссимусом, относятся к нему с уважением или симпатией. Но один процент опрошенных вообще не знал, кто такой Сталин. Во всех возрастных группах доля позитивного отношения превосходит негативное. Иными словами, нельзя сказать, что это только обижённые пенсионеры ностальгически вспоминают вождя. Всё это не может не удивлять. Сколько десятилетий имя Сталина в информационном поле страны подаётся только в крайне отрицательном контексте. Вообще время его правления. И вдруг такие результаты опроса.

Новая тема для стенаний «всего цивилизованного мира» — в Париже пожар в Соборе Нотр-Дам. Огнём уничтожен шпиль, крыша, что-то внутри здания. Со всего мира шлют президенту Макрону соболезнования, в том числе и наш Путин, который предложил лучших реставраторов России прислать в столицу Франции.

Кажется, только что были уничтожены и разграблены великие достояния мировой культуры в Ираке и Сирии. Эти потери «цивилизированный мир» практически не заметил. Почти стёрта с лица земли древняя Пальмира.

Много на подобную тему я уже писал, и всё никак не могу свыкнуться с этим цинизмом, что разделяет Европу, англосаксов и весь иной мир. Но почему лидеры этого «инога мира»

так раболопно преклоняются перед Европой — это загадка. Взять Россию, у которой своя история отношений с «цивилизованной Европой». Сколько всего восстанавливать нам пришлось после нашествия войск из неё. Не знаю, когда-нибудь поляки, французы, немцы, итальянцы, румыны и т.д. каялись в содеянном? Конечно, историческое здание Собора жалко. Столько о нём написано, снято фильмов. Но нельзя всё происходящее в Европе воспринимать в гипертрофированном виде. Это не первая и не последняя потеря исторических зданий. К тому же стены остались, крышу и убранство восстановят. Важно на этом примере понять, что и у других народов, страны которых та же Франция так легко посылает своих лётчиков бомбить (Ливия, Сирия) есть свои исторические ценности, реликвии, от потерь которых им так же больно, а мировая цивилизация беднеет.

Но в этом событии невозможно не увидеть и мистическую подоплёку происшедшего. Европа во многом отказалась от христианских ценностей (не хочу их перечислять), начала отказываться даже от названия праздника Рождества Христова, чтобы не оскорблять чувства мусульман, быть религиозно толерантными. Отказывается и от самой ей провозглашённых общественно-политических ценностей (например, «свободы слова» — в Англии всё-таки арестовали журналиста Асанжа, рассказавшего о деградации политической и социальной системы США). В связи с этим гибель Собора, первоначально построенного ещё в XII веке, кажется вполне закономерной.

А вот интересно? если в России вдруг (не дай Бог) нечто подобное случится с таким же собором XII века (а они у нас есть), поднимется ли подобная волна переживаний и мирового отчаяния? Вопрос риторический, на который у всех у нас есть готовый ответ.

16 апреля

Хороший день для поездки на службу в Молеальный дом прихода в честь благоверного князя Александра Невского к о. Евгению Юшкову. Я тут впервые.

Один из пригородов города, деревня Владимирово. Дом ничем не отличается от обычных деревенских домов (пятистенков), только две луковки с крестами на крыше. Ранее, до создания общины, в нём находилась начальная школа, пока не была построена каменная, современная, двухэтажная недалеко от дома Юшковых. Территория ухожена, вычищена, хотя за забором, в сторону речки, хаос нападанных деревьев, сломанных ветвей. Домик, выкрашенный в голубую краску на фоне начинающей зеленеть лужайки. Прихожан на службе не так много. Большинство пожилые женщины. По лицам видно, сколь разные у них характеры. По рукам — сколь одинаково всем им пришлось потрудиться на своём веку: вырастить детей, перевернуть сотни тонн земли на своих огородах, ухаживать за домашней скотиной и птицей, нянчить внуков. А ведь наверняка были ещё и всякие несправедливости, унижения от мужей... И вот поисповедались, молятся старательно, прилежно, как и всё делали и делают в своей жизни.

20 апреля Бор

Вчера произошла мощная террористическая атака в Шри-Ланке. Взрывы в католических храмах и гостиницах. Ранено более 450 человек, убито 215. У католиков Пасха. Стало известно: как минимум семь смертников (вернее всего мусульмане) взорвали себя в этот день. Но из «цивилизованного мира» доносится плач только по одному поводу — о пожаре в Париже.

Сегодня ещё один взрыв в южно-азиатской стране, во времена моей молодости именуемой Цейлоном (до 1972 года). Стало известно о гибели трёх детей самого богатого человека Дании Андерса Холча Повлана. Семья миллиардера, в которой четверо детей, приехала в Шри-Ланку отмечать Пасху. Взрывы произошли в Коломбо, Негомбо и ещё в нескольких городах. И как в связи с этим не вспомнить: «Кто сеет ветер — пожнёт бурю».

Страны старой Европы недальновидно устроили бойню на Ближнем Востоке и Северной Африке, разрушили государственность арабских стран, стали финансировать антиправительственные вооружённые движения и тем самым создали радикальные группировки, которые открыли партизанскую войну (как я ощущаю, мусульмане себя видят воинами внутри враждебной им цивилизации) по всему миру. И в войне этой нет неприкасаемых.

Количество погибших превысило 350 человек, более 500 ранено.

22 апреля

Снова на заседании Издательского совета области, которое прошло вчера, говорил о выделении специальной квоты для печатания художественной литературы местных авторов (в том числе и молодых). Началось всё с того, что на риторический вопрос, почему не представлены на рассмотрение книги молодых, мне пришлось напомнить, что за прошедшие годы ни одна заявка в этой номинации не была удовлетворена, потому издательства не хотят тратить деньги на верстку заранее непроходимого проекта. Говорил спокойно, но это почему-то вызывало обиду или раздражение председательствующего начальника управления. Для меня загадка — почему именно мои высказывания или замечания вызывают такую реакцию, в то время как выступления других членов Совета выслушиваются или благосклонно, или терпимо.

Это было вчера. А сегодня в Пасхальную ночь читал заметки в книге «О предконечных временах» иеросхимонаха Моисея (Боголюбова). Удивительно просто и доступно о самых важных вопросах веры. Слог лёгкий — как воздухом дышишь. А ведь автор был до пострига доктором технических наук (Валентин Евгеньевич Боголюбов), занимался «электрофикацией и автоматизацией промышленности и транспорта». Дьяконом в 62 года пришёл в Троице-Сергиеву Лавру, где в 1982 году пострижен в монахи с именем Филадельф. До конца своих дней (09.12.1992 г.) прожил в монастыре, каждый день читая акафист Богородице.

«Вёл жизнь отшельника, молитвенника, делился своими мыслями мало с кем»... Вначале, рассказывают, он был очень общителен. Выступал с лекциями о Флоренском. Читал лекции в духовной академии. Но нужно было выбрать свой путь: или лекции, преподавание, поездки, встречи, или жизнь молитвенника. Он выбрал второе... Отец Моисей из старинного священнического рода» (архимандрит Павел, благочинный Свято-Троицкой Сергиевой Лавры).

Строгая последовательность в написанных текстах, ясная для понимания аналитичность (записки «Евангельское описание Воскресения Христова») выдают в авторе ум незаурядного ученого. «Лучше предупреждать возникновение ложных мнений, чем констатировать их наличие и выкорчевывать их». Это из статьи «Божественный проповедник покаяния Предтеча и Креститель Господень». Как экономно, точно сформулирована глубокая мысль.

Выпишу и две цитаты из заметки «О некоторых особенностях монархической государственности», которые много объясняют в крепости (государственной) многонационального государства, которым всегда была Россия.

«К началу княжения Ивана III в 1464 году охватывала территорию в 550 000 кв. км, в год его смерти — 1505 году — имела 2 225 000; в 1584-м (год смерти Грозного) — 4 200 000; к концу царствования Феодора — 7 100 000; в 1613-м (воцарение Михаила) — 8 500 000; в 1645 году — 12 300 000; до Петра — 15 500 000; к 1796-му (год смерти Екатерины II) — 19 300 000 и к концу царствования Николая II — 21 800 000 кв. км» (Солоневич И.А. Народная монархия. Буэнос-Айрес, 1973. С. 153).

«На территории Российской империи был оставлен в действии и кодекс Наполеона (в Царстве Польском), и Литовский статут (в Полтавской и Черниговской губерниях), и Магдебургское право (в Прибалтийском крае), и общинное право у крестьян, и всевозможные местные законы и обычаи в Средней Азии, на Кавказе и Сибири».

Помню, с каким удивлением о существовании этих правовых различий я узнал от своих приятелей, служа в 1975-1977 гг. в Советской Армии. Всё это многообразие и различие мне, русскому пареньку, воспитанному в духе интернационализма, было совершенно неведомо. Думалось, что все народы в огромной стране живут одинаково.

Ну и ещё один факт, до сего дня для меня неизвестный.

«В 1923 году Благодатный огонь не сошёл на Гроб Господень, когда об этом молился Патриарх Иерусалимский Константин IV. В тот период русский Патриарх — Тихон — был отстранён от дел. Правящие русские церковные деятели (обновленцы) сумели увлечь своими идеями Константина IV. Это имело для сего Патриарха печальные последствия. Когда Благодатный огонь по его молитвам не сошёл, фанатичные арабы умертвили Патриарха» (в книге «О предконечных временах», стр. 193.).

27 апреля

На моё поздравление с Днем Победы пришёл ответ из Тулы от писателя Сергея Овчинникова: «Чем старше становлюсь, тем больше понимаю космическое значение этой победы. Это была война света и тьмы, и нас выбрали силы света, хотя в СССР закрывали храмы и сажали священников, удивительно всё это...»

В который раз осознаю, что даже серьёзные, пишущие люди не понимают всей взаимосвязи, что происходит в нашей истории вообще и с каждой отдельно взятой личностью в частности. Ничто не возникает из ничего, все поступки, политические действия ведут к какому-то определённомu результату. Закрытие храмов и аресты священников — всё это лишь итог, результат, к которому шло «образованное общество в России» на протяжении многих десятилетий (особенно в XIX и начале XX веков). Я в своих статьях (да и в этих заметках) приводил достаточно фактов неблагоприятного духовного и нравственного состояния в среде российского священства.

Приведу и ещё один. Вот что писал служащий Московской Синодальной конторы Денисов (начало марта 1917 г):

«Молодые монахи и либеральные «батюшки» неизвестно чему бессознательно радовались и ходили «гоголем», точно их рублём одарили. Пожилые монастырские «старцы» и маститые отцы протоиереи, поседевшие в консисторских интригах, вели себя уклончиво, сумрачно отмалчивались. Мелкая духовная челядь «дерзала»: пела под пьяную руку революционные песни, ходила на митинги, даже «выступала» на них... Впрочем, здесь низшая братия была не виновата: она обращалась за разъяснениями и указаниями к церковным властям, но те как-то мялись и отнекивались, либо отвечали «живите как хотите...» (Взято из статьи «Церковь и революция» доктора исторических наук Михаила Ивановича Одинцова. «Независимая газета» 1.04.2009.)

Если мы считаем, что всем правит Промысел, то должны согласиться, что и испытания Русской Церкви даны были неспроста. Ведь какие нестроения были среди монахов Соловецкого монастыря накануне и после февральской революции, какие бунты. А чем в итоге закончилось, мы знаем: разорением обители и созданием в её стенах лагеря для осужденных. В таком случае, не являлся ли период «Советской власти» для России очистительным вразумляющим бичом тех самых «сил света»? И не будь этого «бича», к чему бы могло прийти одемокрачивание на европейский лад российского класса законодателей политической моды?

Возможно, чтобы Россия осталась в мире «удерживающим началом», и были даны русскому народу такие невыносимые испытания (вспомним здесь и войны, когда пришлось бороться в одиночку со всем «цивилизованным миром»), которые только он и мог вынести, духовно очистившись. Мы представить не можем, какое значение будет России в грядущие времена. Об этом всяких предсказаний дано немало. Впрочем, как и в прошлом предупреждений о грядущем нашем цароотступничестве и о той цене, что придётся за это заплатить. Как, например, в стихотворении М.Ю. Лермонтова «Предсказание»:

Настанет год, России чёрный год,
Когда царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь;
Когда детей, когда невинных жён
Низвергнутый не защитит закон;
Когда чума от смрадных, мёртвых тел
Начнёт бродить среди печальных сел,
Чтобы платком из хижин вызывать,
И станет глад сей бедный край терзать;
И зарево окрасит волны рек:
В тот день явится мощный человек,
И ты его узнаешь — и поймёшь,
Зачем в руке его булатный нож;
И горе для тебя! — твой плач, твой стон
Ему тогда покажется смешон;
И будет всё ужасно, мрачно в нём,
Как плащ его с возвышенным челом.

Это написано, когда автору было всего 16 лет!!! И всё случилось по им предсказанному.

Беда в том, что когда «либеральные батюшки» радовались, «маститые отцы» отмалчивались, «мелкая духовная челядь» митинговала, а церковные власти «мялись», то никто из них не подумал о грядущем «мощном человеке» с «булатным ножом», который придёт после «низверженного закона».

В Доме актёра, в фойе на втором этаже тёплая, камерная встреча по поводу выхода книги воспоминаний одной из нижегородок. За большим окном жаркий солнечный день. Дверь на балкон открыта. Там теневая сторона улицы Пискунова. Дверной проём занавешен лёгкой занавеской, которую слегка тревожит сквозняк. Открывая встречу, говорю о своих впечатлениях от прочтения ещё рукописи книги. Делать мне это легко, потому что в тексте много доброго, светлого, ностальгического по ушедшему времени. Больше бы писать таких мемуаров, да ведь не у всякого достанет умения, трудолюбия, а главное — таланта.

Все мы вольно или невольно вспоминаем своё прошлое. Чего-то стыдимся и стараемся эти воспоминания побыстрее прогнать от себя, от чего-то необъяснимо сладостно замрёт сердце в груди. Но одно дело всё это чувствовать, и совершенно другое перенести пережитое на бумагу.

Вообще, насколько в разных мирах могут жить дети в свои первые годы появления на свет. Автор жила в самом центре города, прямо за театром драмы, ходила на спектакли, общалась с актёрами. Главная улица города Горького располагалась в нескольких десятках метров от окон её квартиры. Здесь сосредоточие научной, творческой, студенческой, политической жизни. Остатки нижегородского дворянства обитали в домах по обеим её сторонам вперемешку с советской элитой: номенклатурными работниками, писателями, художниками, профессорами...

Моё детство прошло в жутком захолустье (хотя располагалось оно сразу за Окой — только мост переехать) среди бараков старой Нижегородской ярмарки, Стрелки, Сибирских пристаней, Московского вокзала, Набережной имени Марата. Это даже не рабочие посёлки, выстроенные для своих тружеников крупными предприятиями, где вырабатывались новые традиции взаимного общения технической интеллигенции и специалистов-токарей, фрезеровщиков, слесарей, сборщиков... Места моего детства — это плавильный котёл всего того, что «случайно» выбросило течение жизни на свои берега. И потому здесь в человеческих отношениях было много низкого, грязного, недостойного. Много грубости и жестокости. Оттого мы, дети, слишком быстро выросли.

Мои сверстники, по отличие от нас, живших в пятиэтажных домах из «красного кирпича» (хотя и наши квартирки были убогие, бедные), обитали в жутких условиях больших бараков или в разваливающихся старых деревянных избушках, которые трудно назвать человеческими. Оттого учились из рук вон плохо, по нескольку лет сидели в одном классе, а затем, едва окончив начальную школу, отправлялись в ПТУ (профессионально-техническое училище), где должны были овладеть навыками плотников, штукатуров, каменщиков. Но и это не всем удавалось, потому что большинство из них уже имели условные судимости, а за два года в ПТУ успевали ещё что-либо совершить уголовное и отправлялись в заключение уже на длительные сроки. И так в течение нескольких поколений в одной семье. А таких семей — не счесть. Улица, в пределах которой все мы росли, прививала жёсткие нравы существования, выживания. Уж не говоря об интеллектуальном уровне окружающих нас взрослых. Редко кто без потерь вырывался из этой среды. Меня судьба миловала, думаю, потому, что с малолетства был волчком-одиночкой, не любил стаи. Осваивал окружающий мир сам: Канавинский рынок, пляж на острове Гребневские пески, берег Волги у старых складских лабазов за железнодорожным полотном, луга за озером Цыганка, территорию асфальтного завода возле Мещерского озера... Да мало ли мест обитания моего детства, которые в самом маленьком возрасте я самостоятельно исследовал, обживал, впитывал в свою память.

Но вот прошли 70-е года. Бараки и всё старое захолустье снесли, все их жители получили благоустроенные квартиры. Казалось бы — всё в стране наладилось. Но именно тогда «народ взбунтовался», отверг все предоставленные им блага, ради мечты о лучшем. В итоге потерял почти всё.

Я иногда думаю — а не месть ли это была за годы барачного бесприютства?

14 мая

Новое сообщение российских СМИ: полковник ФСБ Кирилл Черкалин арестован за получение взяток. При обыске у него обнаружено 12 млрд. рублей: это валюта США, евро, рубли, акции, ценные бумаги, драгоценности, несколько коллекций элитных часов (современные издომцы коллекционируют только часы и машины, на большее разнообразие интеллекта не хватает). Понятно, что к этому будут приобщены дома, квартиры, земельные участки, дорогие машины, счета в банках... Даже не хочется всё это комментировать. Но ведь сколько неучтённых, свободных денег в стране.

Только прошёл суд над другим полковником управления противодействию коррупции. Тоже владелец многих миллиардов и всего перечисленного мною выше. Прокурор требует для него в виде наказания 15 лет колонии. Мать спряталась в Израиле. Жена ещё где-то. И остаётся неразрешённым только один вопрос — зачем им всё это и в таких количествах? Впрочем, это всё риторика. В телевизионном сюжете я слышал, как Захарченко кричал в суде из «клетки» подсудимого: «Это не мои деньги!» Может быть, и правда не его? Тогда чьи?

18 мая

Четверг. Раскатисто, долго, непрерывно гремит далёкий гром. Небо затягивает серой мутой. Обедал и смотрел на моросящий за окном дождь. Дрозды, трясогузки, смешно встряхиваясь, продолжают что-то выискивать в траве, суетливо перебегая с места на место. Берут нечто невидимое для меня в клон и стремительно улетают, но почти сразу возвращаются, и всё повторяется вновь.

Одна молния, я был наверху, сверкнула над самым домом, и гром буквально потряс стены. Я стоял у окна с раскрытой книгой (сверял, правильно ли определил названия птиц, за которыми наблюдал до этого), потому боковым зрением увидел яркую вспышку, а затем — звон стёкол в рамах, удар в стены и долгие незатухающие басовитые раскаты.

Продолжаю писать рассказ. После долгих колебаний и неясностей дело немного двинулось вперёд.

Никогда в городе так не слышишь, не ощущаешь ветра, так не давит он тебе на душу, не пробуждает тоски в ней, как в деревне, в деревянном доме. Тут ощущаешь и истинную силу его, и свою малость, беззащитность. Особенно поздним, тёмным ненастным вечером или ночью, когда вдруг проснёшься в одиночестве в большом тёмном пространстве, и услышишь его напор, беспокойный шорох по стенам с улицы, трепетание листьев на ветках под его ненастными порывами...

Пятница. Проснулся в семь часов, и первым делом, с надеждой, повернулся к окну, а там солнце! И небо чистое, ясное, спокойное.

Сел за стол, перечитал вчера написанное. Всё очень плохо, никуда не годится. Расстроился, хоть всё бросай... но и успокоил себя: у меня всегда так, по-другому не бывает. В написании любого текста главное преодолеть сомнения, создать каркас нового рассказа, а потом уже можно работать над ним и работать. Но разочарование из сердца куда денешь?..

Взялся читать повесть «Высокие жаворонки» Петра Краснова. Особая многословная и многослойная проза. И тяжело читается, а вкусно.

Открыл книжку Валентина Николаева «Светлым-светло», его очерково-биографическую вещь (как и у Краснова) «Над рыбами, под звёздами». Классическая, светлая, образная, до деталей видимая и чувствуемая проза. Знаю, как нелегко, трудно писал Валентин Арсеньевич, а вот по чтению этого не скажешь — как тихий лесной ручеёк течёт повествование, и так хорошо около него, так тепло душе. Книга автором подписана мне: «Валерию Сдобнякову в год, когда светло и пусто. На память о моём Унжинском пристанище. Ноябрь 91. Вал. Николаев». Книга вышла в Волго-Вятском издательстве в 1991 году. Чуть успела до всеобщего развала. Далее для Валентина были долгие-долгие годы молчания. Да и писал он совсем мало. Но сейчас мне и тоскливо, и тепло смотреть на его почерк: мелкий, энергичный. Надпись сделана зелёной шариковой ручкой.

Два разных литератора (один меньше, другой больше мне знакомы), но укор один — вот как надо писать.

Я помню, как провожал на Московском вокзале Николаева в описываемую им поездку совсем ранней весной (подтаявший, но к вечеру успевший затвердеть снег, уже превратившийся в ледышки, громко хрустел под ногой, как раздавленное стекло), потому читал очерк с душевной причастностью. Да и в доме у него на Унге я дважды бывал.

Закончил читать в три часа пополудни, и первым делом решил завести часы. Взял со стеллажа с книгами старый будильник, подвёл до нужного времени стрелки, закрутил пружину, и он весело затукал — торопливо, словно обрадовано после долгого молчания. Далее отягивать было нечего — усадил себя за стол, за рукопись рассказа. Все книжки вновь не перечитаешь, у меня стеллажи с ними во всех четырёх комнатах — и внизу, и наверху, да ещё в сенях (там с литературными журналами).

Оставил рукопись, ушёл наверх, открыл окно. В гроздьях сирени хозяйничают шмели.

Жужжат, словно издали подлетающие вертолётёты. Прямо у окна, чуть в стороне, спрятавшись в ветках старой, сейчас во всю цветущей рябины, призывно выводит трели какая-то маленькая птичка. Похоже, что соловей. Ветра нет, ни единая веточка не шелохнётся, но потягивает с воли холодком ещё непрогретой после дождей земли.

Тут же за столом вымучил ещё страничку. Нет, не то, бросил.

Опять рука тянется к стеллажам с книгами. Взял первый том из собрания сочинений А.И. Куприна (книгу привёз ещё из Тюмени, когда там работал), прочитал один рассказ, второй — думал, может быть, что-то во мне откликнется.

Суббота. Все эти дни без всякого постороннего информационного вмешательства. Ничего в деревне у меня нет — ни телевизора, ни компьютера с интернетом. Лишь однажды на минуту включил радио, и тут же выключил: таким инородным повеяло от всей этой эфирной суеты, непонятных песен, замовитой рекламы. Выключил приёмник даже с каким-то внутренним испугом, что вот сейчас весь мир в моей душе, с таким трудом установившийся, порушится. А ведь мы все изо дня в день живём во всём этом информационном насилии, и не замечаем.

В несколько заходов продолжал писать рассказ. Упорно. Что из этого упорства выйдет или не выйдет ничего, увижу, когда начну из черновика набирать рассказ на компьютере. Но стопка исписанной бумаги на столе растёт.

Воскресенье. Сегодня вечером уезжаю в город.

Проснувшись, поначалу не поверил — неужели дождь бормочет за окном. Пригляделся — точно! Небо вновь затянуто серой пеленой, хотя, вроде бы, не глубокой.

Читал сборник работ И.В. Сталина «О Ленине» изданный в 1951 году (формат между А-5 и А-4, красивый, твёрдые корки с теснением, наверху рельеф портрета вождя, бумага внутри толстая, бархатистая, одно удовольствие держать в руках — я и не вспомню, как эта книга у меня оказалась). И вот что значит иметь религиозное образование. Речь на II Всесоюзном съезде Советов 26 января 1924 г. Иосиф Виссарионович построил так, что создал, выделил, вбросил в сознание «рабочих и крестьян» новые «заповеди от Ленина», каждую из которых (всего их шесть — тоже, думаю, число не случайное) заканчивал так: «Клянёмся тебе, товарищ Ленин, что мы с честью выполним эту твою заповедь», и только в конце шестой слов, что это именно заповедь — нет. Любопытно, но именно она говорит об укреплении и расширении союза трудящихся всего мира — коммунистическом интернационале, от идеи которого сам Сталин впоследствии откажется.

Колол дрова, распиленные на чурбаки стволы старых яблонь, а в рябине всё так и продолжал звать свою подругу соловей. Все дни, что я здесь, он этим делом занимается, но, видно, безуспешно. Что-то в его трелях её не устраивает. Или, может быть, он, напротив, поёт от испытанного чувства свершившегося?

21 мая — 26 мая Кунавино

Пришёл Валентин Васильевич Ивенин, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, пишет стихи, но по своей психологии, мироощущению настоящий крестьянин: врос в деревню, работал на земле много и долго. Я знал, что он ведёт большое своё хозяйство, имея много земли. Трудностей в этом деле с лихвой. Спросил, держится ли.

— Нет, в этом году бросил. Некому работать в поле на технике. Мы думали, что в селе к нам побегут труженики, а не тут-то было. Побросали землю. Раньше за каждую межу на усадах ругались. Сейчас всё заросло по самые дома. Никому земля не нужна... Да и со сбытом выращенной продукции большие трудности, я уж вам об этом рассказывал.

Последние, самые настойчивые и преданные крестьянскому труду люди сдаются, оставляют землю. Ой, не к добру это, не к добру.

Я искренне расстроился, что вот теперь и поля Ивенина зарастут березняком да полынью. И с чем мы тогда останемся, случись, не дай Бог, какая беда? Вот Росстат привёл данные, по которым 48,2% российских семей денег хватает только на еду и одежду, а товары длительного пользования они приобрести не могут. В исследовании участвовало 48 тысяч домохозяйств.

27 мая

Вечер. Иду по старым нижегородским улицам: Ильинской (в советское время Краснофлотской), Обозной, рядом Большая и Малая Ямские (не переименовывались). Деревянные двухэтажные дома мещан. Есть побогаче — это купеческие. Около них за когда-то тяжёлыми, а теперь почти развалившимися воротами, трухлявыми, кое-как скреплёнными

сколоченными почерневшими, отслужившими свой срок досками, запущенные дворники, заросшие травой. Немного дальше остатки выродившегося, погибающего сада.

Из двориков веет лесной сыростью (солнце зашло, сумерки принесли вечернюю прохладу). И так это странно ощущать, проходя совсем рядом по ещё не успевшему остыть после дневного зноя асфальту. Не затхлостью, не покинутостью, не заброшенным жильём, а именно лесом, землёй, влагой успевшей покрыться росой сочной травы.

Кривые, уходящие в глубь этих жилых островков переулки, уводящие то ли в какое-то Берендеево царство, то ли в девятнадцатый век купеческо-мещанского Нижнего Новгорода. Удивительный, во многом не познанный сегодняшним населением города мир. Последние островки прошлой жизни. И отчего-то соприкосновение с ними так волнует, будто неожиданно пробуждает в памяти что-то далёкое-далёкое, безвозвратно потерянное...

5 июня

Во Франции отмечают годовщину высадки союзников в Нормандии во время Второй Мировой войны. Главу России на торжества традиционно не пригласили, хотя лидеры других государств, включая Германию, туда прибыли. Так Европа благодарит русских за свою свободу.

В России сегодня отмечается 220-я годовщина со дня рождения А.С. Пушкина. Естественно, в телевизионных программах читают его стихи, в том числе и те, что написал по молодости с ненавистью к Александру I. И это после только что одержанной русскими победы в Отечественной войне над Наполеоном, над французской, а лучше сказать, над объединённой европейской армией. Но в российских «прогрессивных» кругах император был ненавидим. Его авторитет не спасло даже то, что за разорённые и сожжённые города и поместья на русской земле наша армия не сделала то же самое в Европе. Напротив, император оплатил французским торговцам за всё, что у них было «потреблено» солдатами и офицерами из России.

Да, повзрослев, Александр Сергеевич во многом изменил своё отношение к самодержавной власти, но стихи-то остались.

Почему я объединил эти два события в одной записи? Телевизионные дикторы недоумевают и возмущаются: почему Запад присваивает нашу победу над фашизмом себе? Да разве в нашей истории что-то меняется? Разве своего главнокомандующего, его имя «либеральная общественность» не смешала с грязью? Разве во время Парада Победы на Красной площади мы не прячем стыдливо Мавзолей, а ведь именно к нему были брошены знамёна и штандарты разгромленных немецких войск. Разве здание ГУМа не драпировуется трёхцветным знаменем, тем самым, под которым воевали против армии СССР соединения предателя генерала Власова, хотя в Берлине над Рейхстагом было водружено красное полотнище с серпом и молотом. Точно так же и со Сталинградской битвой, которая произошла у города, названия которого больше не существует на наших картах.

Всё смешалось, перепуталось, извратилось в нашей истории — во всяком случае, в той её части, которая относится к великой Победе. Не какие-то внешние враги это сделали, не их пропаганда, а мы сами. Как же больно всё это осознавать.

Корреспонденты Российского телевидения из США и Великобритании сообщают, что в учебниках истории этих стран каждая из них приписывает победу себе. А что с нашими учебниками? Мы знаем, как мало в них говорится о героизме советских воинов, и как многое в них ставится под сомнение. Так стоит ли удивляться тому, что Россию лишают её победы. Мы сами во многом от неё отказались. Исторические доказательства её перевели в некую абстрактную условность, которую должны принимать на веру отвлеченно, с большой долей додуманности, догадливости.

Слава Богу, существует великая русская литература, которая рассказала правду о случившемся. И это хранит память в мире сильнее, чем тома изысканий новоявленных историков — как на Западе, так и в России. Ни «Войну и мир», ни «Горячий снег» из мировой истории прошедших войн не выкинуть.

6 июня

Написал текст своего выступления на секретариате Союза писателей России в Орле:
**«ЭКОЛОГИЯ ПРИРОДЫ, ЭКОЛОГИЯ ДУХА – НЕРАЗРЫВНЫЕ ПОНЯТИЯ
В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ**

Уверен, что, только услышав название моего выступления, все поняли, о чём в нём

пойдёт речь. И действительно – проблема экологии, в первую очередь, нравственная проблема, а уж потом производственная. Понимаю, что мысль эта не нова, но повторить её ещё раз большим грехом не будет. Безусловно, в первую очередь нам приходят на память выдающиеся поступки русских писателей, таких, как Сергей Залыгин, Василий Белов, Валентин Распутин, которые смогли уберечь Россию от огромных экологических бедствий. Один поворот на юг стока северных рек мог принести нашей стране огромные потери и неисчислимые бедствия. Слово русских писателей тогда звучало не конъюнктурно, громко, ответственно перед будущими поколениями. А ответственность – это нравственная категория. Потому в те времена просто взять и отмахнуться от выступления известных писателей было невозможно.

Но тут, как мне кажется, есть и ещё одна, может быть, даже главная особенность. Поколения русских писателей, художников, музыкантов своими произведениями воспитывали в соборной русской душе любовь к той земле, что дал нашему народу Бог. Какие великие картины посвятил этой теме Иван Иванович Шишкин. Какие замечательные стихи были написаны русскими поэтами от Александра Сергеевича Пушкина, Михаила Юрьевича Лермонтова, Фёдора Ивановича Тютчева до наших современников Юрия Кузнецова, Станислава Куняева, нижегородцев Фёдора Сухова и Юрия Адрианова. Эта традиция, зародившаяся в истоках русской литературы, была пронесена нашими творцами через все века своего существования. И потому мы с какой-то особенной душевной трепетностью читали и продолжаем читать произведения наших классиков от Сергея Тимофеевича Аксакова и Ивана Сергеевича Тургенева до писателей двадцатого века: Михаила Михайловича Пришвина, Константина Георгиевича Паустовского, потрясающе интересных работ Владимира Алексеевича Солоухина («Третья охота», «Трава»). Не прервана эта традиция сейчас, хотя литература переживает и не самые хорошие времена в своей истории. Но и сквозь эти недобрые времена к нам прорываются произведения Михаила Тарковского или, например, опять же нижегородца Валентина Николаева. Все они писали и пишут не только с восхищением об окружающем их мире, но и поднимали острые социально-нравственные проблемы, связанные с охраной и сбережением наших рек и озёр, полей и лесов. Воспитывая своими лирическими произведениями любовь, они не давали успокоиться нашим сердцам, пробуждали в них ответственность за то, что стоило хранить и оберегать.

Современные условия хозяйствования (а мы знаем, какому разграблению теперь подвержены тайга, биоресурсы морей и океанов – эта проблема не нова и в определенной мере существовала и в двадцатом веке) но в двадцать первом, в условиях рыночной экономики она приобрела просто устрашающие, гигантские размеры. Возможность безнаказанно использовать общенародное, а, лучше сказать, общемировое достояние многим помутила разум. Жажда наживы стала преобладающей над пониманием того, что оставят эти люди будущим поколениям, своим детям и внукам. Ответственность, как в производстве, так и в бизнесе тех, кто занимается экономической деятельностью, сегодня должна быть особенной. Ведь с изменением окружающей среды неизменно случаются изменения в наших душах. Это произойдет неявно, не внешне, не одномоментно, но оттого последствия этих изменений будут не менее катастрофичны.

Я помню, как наиболее серьёзные философы конца двадцатого века, в том числе и автор журнала «Вертикаль. XXI век», доктор философских наук, профессор Владимир Александрович Кутырёв в своих книгах и статьях предупреждали о пагубности замены человека во всех сферах электронными машинами, компьютерами. И тогда нам это казалось некой фантастикой.

Вот что он писал в книге «Культура и технология: борьба миров» 2001 года:

«По мере того, как дыхание Нечто начинает достигать современности и веет вокруг наших лиц, у пока ещё живых людей зарождается протест против подобной перспективы. Они не хотят терять свою идентичность, то есть умирать. Происходит переоценка ценностей, которую можно определить как бунт против прогресса. Конечно, не у всех, а у чувствующих, понимающих, куда идёт дело. Прогресс, которому безоговорочно преклонялись, на который молились, ставится под сомнение. Он перестаёт связываться со словом «хорошо» и выражает лишь процесс перемен. Оказывается, вполне возможно, что его направление угрожает человеку и стоит задуматься, нет ли других путей развития. (...) Параллельно этому слово традиция приобретает нейтральный или положительный смысл. Плюс и минус меняются местами. (...) Уже проходят конференции на тему: «Интернет и традиционная культура». Ещё несколько лет и будут созываться симпозиумы по проблеме «Искусственный интеллект и традиционный человек».

Повторю, это цитата из книги профессора Кутырёва 2001 года. Предвидение учёного

сбылось в полной мере. Симпозиумы на тему «Искусственный интеллект» и его главенство над живым человеком (если же взять шире, то подразумевается – над его, человека, волей) уже проходят. Эта проблема выдвигается как первоочередная на общегосударственном уровне.

Недавно, буквально на днях выступил на эту тему президент России В.В. Путин. Главная его мысль: будущее за искусственным интеллектом.

«Искусственный интеллект — это будущее не только России, это будущее всего человечества. Здесь колоссальные возможности и трудно прогнозируемые сегодня угрозы. Тот, кто станет лидером в этой сфере, будет властелином мира. И очень бы не хотелось, чтобы эта монополия была сосредоточена в чьих-то конкретных руках, поэтому мы, если мы будем лидерами в этой сфере, также будем делиться этими технологиями со всем миром, как мы сегодня делимся атомными технологиями, ядерными технологиями».

Именно тут возникают серьёзнейшие противоречия между личностью и государством.

Для конкретного индивидуума это гибельно (в духовном смысле), грядущие условия ведут его в так называемый «электронный концлагерь», где судьба его во многом будет решаться «искусственным интеллектом», лишённым эмоций, понятий милосердия, сострадания, честности... Человек неизбежно превратится в некий придаток «машине».

Но государство, если оно стремится сохранить себя, в современных условиях вынуждено в разработке этих технологий идти вперёд. Иначе оно окажется в роли проигравшего со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Такова безумная логика технического прогресса, которую в качестве основного жизненного критерия приняло для себя человечество.

Кто-то скажет: это всё фантазия большого воображения.

Сейчас на наших глазах так называемые «фантазии» невероятными темпами захватывают мир, в котором живёт человек. Безусловно, в первую очередь это касается производственной, научной и социальной сфер.

И единственное, что непосредственно человеку не даёт полностью подчиниться искусственному интеллекту – это его возможность соприкасаться с миром Божьим, соприкасаться с тем, что изначально было даровано человеку свыше.

Поэт Юрий Андрианов незадолго до своего ухода написал такое стихотворение:

Зрелый желудь – это капля вечности,
Миг, что должен жизнью прорасти.
...По ночам потоком звездной млечности
Неба обозначились пути.

Тишина просторная, усталая,
Залегла в дубовые леса,
Где в земле сокрыта капля малая –
Древа животворная слеза.

Мне особенно приятно процитировать это стихотворение, потому что оно посвящено поэтом мне. В этих строках, где воедино соединены миг и вечность нашей жизни, микро- и макро-события, сокрыт глубочайший смысл естественности сменяемости жизни на земле. Именно в таком состоянии кроется тайна вечности всего живого в мироздании, а значит, и человека в окружающей его природе.

В заключении отмечу: понимая, что экологические проблемы связаны (неотрывно) с духовным состоянием человечества, журнал «Вертикаль. XXI век», которому в скором времени исполнится двадцать лет, выпускал специальные экологические номера, в которых своими размышлениями с читателями делились видные писатели, учёные и общественные деятели, такие, как доктора наук, академики Н.Н. Моисеев, В.А. Садовничий, Л.А. Ильин, М.И. Кодин, В.П. Полеванов, А.М. Коломиец, В.А. Кутырев, писатели Василий Белов, Владимир Крупин и многие другие.

Мы и в дальнейшем эту тему не оставим без своего внимания».

9 июня

Смотрю сюжеты по нашим ТВ-каналам, посвящённые сдаче школьниками экзаменов по ЕГЭ (единый государственный экзамен), и испытываю два чувства: удивления и брезгливости.

Доставка вопросов осуществляется особой службой. Электроносители не только упакованы так, что их невозможно незаметно вскрыть, но информация на них ещё и особо зашифрована (будто её доставляют не в наши школы, а в стан злейших и коварнейших врагов). Школьники не сдают экзамены в родных школах, а должны ехать в чужие учебные заведения, в чужие классы, к чужим преподавателям. Там их при входе обыскивают металлоискателями (всё тело, включая ноги). Ответы они пишут под «зорким оком» видеокамер, по которым за ними наблюдают специальные люди (не знаю — тюремные камеры под таким же тщательным контролем?).

У меня складывается впечатление, что государство из этих детей готовит в будущем безвольных рабов, приученных к тому, что каждый их шаг отслеживается, а значит, не дай Бог, ты что-то сделаешь не по команде, не так, как все, как-то выделиться из толпы.

Полное впечатление, что современное российское общество потихонечку сходит с ума... И за будущее людей становится не на шутку страшно.

24 июня

Пишущий прозу, публицистику, критику в отличие от сочинителя стихов (поэт чаще, даже более всего читает свои стихи со сцены на встречах с публикой) крайне редко видит, встречается со своими читателями, с теми людьми, которые прочитали его художественные произведения или полемические тексты. Тем ценнее для него такие встречи, тем более они несут в себе духовную поддержку его трудам.

Вовсе не собирался сегодня идти работать к себе в кабинет. Но где-то после обеда заволновался, затосковал, напоминая самому себе, что если день окажется бездарно загубленным, то вечером просто истерзая себя упрёками за безделье и за бездарно погубленное время, потому собрался и отправился в Союз писателей.

Две основных работы намечено у меня на ближайшее время: подготовка к публикации в журнале писем А. Дорошко и вычитка текста (окончательная) будущей книги «Молчание» отца Евгения Юшкова. Начал работать, и тут осторожно, я не слышал как, входит в кабинет женщина. (День предвыходной, пятница, в такое время редки случайные посетители.) По виду сразу можно понять, что из православных — аккуратно одетая, юбка до щиколоток, кофточка закрывает руки. В возрасте, довольно высокая, лицо округлое, чистое, в волосах пробивается седина. В общем — явно из интеллигенции. Спросила: «Не здесь ли можно приобрести книги Марии Сухоруковой, Владимира Цветкова и ваши — вы ведь Валерий Сдобняков? Извините, не знаю вашего отчества».

Отвёл посетительницу в нашу библиотеку, сказал, что все книги в её распоряжении, и вернулся к компьютеру. Немного погодя, подготовив для себя несколько книг, посетительница вернулась ко мне в кабинет, и мы уже по-настоящему познакомились, разговорились. Ирина Николаевна Утюж (несколько необычная, но, как говорит посетительница, старинная русская фамилия) родом из Нижнего Новгорода, но после института оказалась в городе Королёве Московской области. В родном городе не была давно, теперь приехала и могилы родителей навестить, и паломнически побывать на могилах наших почитаемых старцев: Григория Долбунова, Михаила Хабарского, Иоанна Шорохова... Есть у неё одна из наших совместных с Владимиром Георгиевичем книг.

Пришлось к слову, и начал ей рассказывать, как Цветков в последний раз пришёл в Союз писателей.

— Знаю, читала это у вас. Я читаю ваше и о вас на «Русской народной линии».

Ирина Николаевна рассказала о себе: о том, как работала на серьёзном предприятии, по образованию она физик, как в трудные времена подрабатывала уборщицей, а затем и вовсе ушла в продавцы, как пришла к вере и сколь многое это для её души дало. Добрая, светлая русская женщина — без уныния в душе, с жертвенностью в сердце. Слушаешь такого своего читателя, и невольно начинаешь ощущать не напрасность своих трудов.

На прощание, к уже отобранному, подарил Утюж ещё ряд книг. Единственно побеспокоился: не тяжело ли будет нести?

— Что вы, я сейчас в Дзержинск к друзьям...

И так же тихо, осторожно, неслышно ушла.

«Не приди я сегодня, и не встретился бы с этим добрым человеком. И она бы, после стольких поисков, пришла бы к закрытой двери. А так — как хорошо всё устроилось».

Проработав ещё несколько часов, закончил с текстом Юшкова. Домой шёл с весёлым сердцем. Вот если бы всегда прислушиваться к его позывам.

5 июля

Большая статья Юрия Селезнёва «Ответственность (Критика как мировоззрение)» в книге «Мысль чувствующая и живая: Литературно-критические статьи» (М.: Современник, 1982), купленной мною тогда же в 1982 году в магазине «Книжный мир» на площади В.И. Ленина. Читал и наслаждался «ароматом ушедшей эпохи». Невольно прошлое время неясными, стёртыми отголосками пережитого что-то сладостно-ностальгическое будило в душе — молодость, начальные занятия литературным трудом, многое чтение всего и разного. Хотя статья вполне актуальна и теперь. Разве что понятие критики в современных реалиях во многом изменилось. Теперь это больше либо рекламное обслуживание авторов богатого издательства (для продвижения их книг к покупателю, а значит, получение прибыли издательством — тут дело не столько творческое, сколько коммерческое), либо литературно-биографическое описание жизни известного литератора. Текущий же литературный процесс отслеживается и оценивается крайне слабо, не заинтересованно, более по собственному инициативе немногими критиками, чем по желанию редакций. Может быть, именно поэтому, что столкнулся с живой, «горячей» литературной мыслью, я с такой жадностью прочитал этот более чем сорокастраничный текст.

Буду и дальше читать книгу. Да и начал уже (прочитал полемическую статью «Слагаемые таланта»), но из первого текста необходимо выписать для себя вот какую, просто пророческую, цитату:

«Созидать, творить, как мы знаем, всегда сложнее, чем разрушать. Не потому ли во все времена были попытки выдавать разрушение за творческий акт, равноценный созиданию? Правда, по вполне понятным причинам для того, чтобы общество могло принимать разрушение за созидание, необходимо предварительно посеять в его сознании идею относительности всех ценностей, сомнение в значимости общественных идеалов, в представлениях о красоте, правде, добре, истине...»

Что и было с успехом выполнено в «перестроечное время» за поразительно короткий срок.

В конце статьи стоит дата: «1979». До крушения, казалось, совершенно незыблемой тогда страны оставалось немногим более десяти лет (а уж со времени выхода книги в свет и того меньше). Сейчас эти строки читаются как невероятное предвидение и предупреждение. Неужели Юрий Иванович, которому самому оставалось жить всего несколько лет (неожиданная смерть его настигла в Берлине в 1984 году, в возрасте 45 лет), действительно что-то предчувствовал, предвидел? Или это и есть то, что называется настоящим литературным трудом — предвидеть, предчувствовать и предупреждать?

Ну и ещё одна довольно объёмная, но необходимая для памяти цитата. Тут дан диагноз тому (на мой взгляд, абсолютно отвратному) явлению, которое сейчас уже вполне на законных основаниях (как модное, «продвинутое», «трендовое» — во времена Юрия Селезнёва такими словами ещё не пользовались) захватило и подмостки театров, и теле-киноэкраны. Оно полностью поддерживается бюджетом государства, хотя с 1979 года страна кардинально изменила свой социальный строй. Да и в литературу проникло.

«И вот что любопытно: если один современный автор использует произведение другого для собственных нужд — такой поступок осуждается по закону как плагиат. Если интерпретатор так интерпретирует произведение своего современника, что это уничтожает либо искажает произведение интерпретируемого (в кино, театре, музыке, и т.д.), то автор опять же имеет законное право восстать против подобного «сотворчества». (...) А вот бесцеремонное, иждивенчески-утилитарное обращение с классической сокровищницей нашей духовной, художественной культуры некоторых «неприкаянных детей» современных новаций (в статье идёт речь о спектакле по роману Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», который поставил М. Розовский в форме, по словам А. Свободина, высказанных в статье «Сезон обещает быть...» «на скрещении классической русской прозы» и «современного мюзикла» — В.С.), взявших на себя ох и не легкую миссию подтянуть отечественную классику к уровню западных образцов массовой культуры, до сих пор ещё квалифицируется порою как творческий поиск, эксперимент, как (...) «имеет перспективу». (...) Но не пора ли нашему обществу законодательно запретить практику и теорию паразитарного использования мирового и, прежде всего, естественно, отечественного наследия культуры?»

Увы, но теперь мнение розовских преобладает на сценах отечественных театров — в первую очередь, конечно, столичных. Надежды Селезнёва, во всяком случае, пока, не сбылись.

Но диагноз, который он поставил творчеству наиболее известным тогда «советским

поэтам» (Андрею Вознесенскому, Евгению Евтушенко, вспомнил и Игоря Шкляревского: «Стихи многих наших талантливых поэтов легко исчерпываются лежащим на поверхности смыслом, за которым уже нет ничего...»), оказался точным и со временем не потерял своей актуальности (статья «Душа подвига (О современной поэзии)»). Сейчас это даже понимается намного определённое, чем тогда, потому что и жизненный, и творческий путь названных стихотворцев уже завершён.

Словесные конструкторские придумки и нагромождения Вознесенского, бытовые и публицистические, стихи-репортажи Евтушенко больше не обманут ожиданием некоего будущего открытия, поэтического, духовного роста внимательного, чувствующего поэзию читателя. Всё завершено, результат (в итоге) оказался довольно скромным.

Увы, но сейчас подобного качества оценки прочитать почти невозможно. Даже вольные литературные журналы и газеты похожий текст не опубликуют (из-за различных соображений), не говоря уж о коммерческих, зависящих от вкусов и пристрастий (политических, экономических, общественно-клановых) своих хозяев.

Понятно, что малотиражную региональную литературную периодику я в счёт не беру. Она живёт большей частью довольно замкнутой жизнью. Её интересы не выходят за рамки их собственных регионов.

6 июля

Роман Юрия Полякова «Весёлая жизнь, или Секс в СССР». По большому счёту — это мемуары, облечённые в художественную форму. За основу взят небольшой период осени 1983 года. Москва. Административная жизнь верхов руководства Союза писателей СССР, но, главным образом, Московской организации. Многие герои узнаваемы, хотя и действуют под придуманными автором фамилиями: Полаткин — Шатров, Ковригин — Солоухин, Сухонин — Феликс Кузнецов... Или вот Полуянов — Юрий Поляков, Торможенко — Дорошенко... Сюжет разворачивается большей частью в ЦДЛ, здании Большого Союза писателей, доме творчества «Переделкино», редакции газеты «Стопис» (так Поляков переименовал газету «Московский литератор»). Таким образом, и места действия мне довольно знакомы.

Не близки мне всевозможные эротическо-сексуальные фантазии и переживания автора. В произведениях последнего времени Поляков этой теме уделяет какое-то уж очень большое внимание. Не знаю, что тут больше: желание понравиться современному молодому «продвинутому» читателю или подражание писателям «свободного мира», работающим на Голливуд.

Но для русской литературы это всё-таки не естественно, не органично. Ну, да это всё детали, о которых я вспоминаю попутно. Главная интрига в повествовании: исключение из членов КПСС писателя (Ковригина (Солоухина)) за рукопись сборника «Крамольные рассказы», которая (так и осталось непонятно как) оказалась им потеряна. Потом, в конце, читатель узнаёт, что всё вроде бы было специально подстроено, дабы «глава деревенской прозы» получил Нобелевскую премию. Хитрая и многоходовая интрига, которая сорвалась по неопытности теперешнего романиста.

По ходу повествования читатель узнаёт о сытой «богемной» писательской жизни с большими гонорарами за публикации, кутежами в ресторане ЦДЛ, получением квартир, зарубежными командировками и прочими благами. В общем — были при советской власти писатели обласканы, а те в ответ всё вождельно поглядывали на Запад, где «свобода и счастье».

Честно говоря, не стоило бы мне и записывать для памяти о романе Полякова, если бы в это же время я не готовил для печати письма Анатолия Дорошко, написанные мне в то же время, только из глубинки России, из Брянской области, из хаты, крыша которой течёт, прогнившие стены не держат тепла, а дрова приходится самому заготавливать в лесу, а потом с великими трудами их оттуда вывозить. Безденежье, непонимание окружающих, а человек пишет стихи, прозу, статьи, трудится над романом (для столичного писателя в невозможных для этого условиях); мечтает о справедливости, хочет потрудиться на благо страны, её истории. Трудится для того, чтобы люди стали лучше — так ему мечтается.

Два совершенно различных мира.

Слушайте, может быть, русский писатель только тогда способен создавать что-то нужное, главное, когда он нищ, обездолен и отчаянно борется, чтобы не быть униженным? А если всех этих испытаний нет, то пускается он в пьяные загулы, сексуальные мечтания, премиальные интриги и прочие «прелести» сытой жизни?

15 июля

Продолжаю зачитываться книгой Юрия Селезнёва «Мысль чувствующая и живая». Дошёл до статьи о творчестве Василия Белова «Неведомая сила», где, главным образом, автор размышляет о рассказе писателя «Весна». Дочитав статью, взял со стеллажей книгу рассказов Белова, подписанную ещё Василием Ивановичем, нашёл «Весну». Читал и останавливался, давал себе «отдышаться», сердце всего пережитого Иваном Тимофеевичем не выдерживало, замирало от боли. И непонятно, как Белов-то выдержал, перенося эту историю на бумагу. Да и разве одну подобную историю он нам рассказал, описал невероятную простоту трагизма человеческой жизни, когда «горя как будто не было, но не было и ничего другого».

Я много размышлял о так называемой «деревенской прозе», отмечал некоторую тупиковость этой ветви в русской литературе. Но теперь мне стало ясно, в чём я заблуждался. То, что называлось в советской критике «деревенской прозой» (и куда, на мой взгляд, неправильно отнесли произведения Василия Белова, Виктора Астафьева, Валентина Распутина), подразумевались тексты, внешне обращённые к жизни людей «на земле». И они как бы умерли вместе с деревней, остались в том, прошедшем времени. Литература же высокой трагедии, к тому же созданная столь экономно по использованным средствам, сдержанная и оттого в своей незатейливости, простоте глубоко правдивая, истинно трагедийна — жива и будет жить вечно. Пока сердце человеческое способно будет откликаться на боль, утрату, сострадание.

Всего лишился (на этих нескольких страницах рассказа — другой бы эпосею в несколько томов написал) Иван Тимофеевич: трёх сыновей, коровы, жены, лошади Свербухи... Кошка, и то ушла из опустевшего, обездоленного дома. И дошёл старик до края жизни, откуда спасла его столь же обездоленная Полинарья. Эта пройденная черта вернула Ивана к жизни.

«Надо было жить, сеять хлеб, дышать и ходить по этой трудной земле, потому что другому некому было делать всё это».

20 июля

Пишу новый рассказ. Всё-таки удивительное чувство испытывает человек (наверное, это и называется творчеством), когда из чего-то неясного, каких-то внутренних позывов, предчувствий начинают сначала ложиться на бумагу хаотические сюжетные обрывки, посторонние вроде бы записи, заметки на память... В некий момент в душе начинает пробуждаться, оживать, волновать основное чувство, которое через создание образов героев повествования и хочется выразить. Но опыт подсказывает — это чувство надолго в себе не удержать, потому что сюжет не строен, не выверен, в деталях не обозначен. А чувство — это облако, которое надолго в одном состоянии в себе не сохранить.

Сюжет же выстраивается только во время работы за столом, когда из отдельных листов, обрывков начинаешь складывать мозаику будущей, только тобой созданной жизни. И в какой-то момент вдруг понимаешь: всё пошло, выстроилось. Тогда нет больше страха перед чистым листом бумаги, не страшно прервать себя в написании, остановиться, потому что сюжет уже родился, обрёл некие, пока ещё довольно размытые, но общие границы. Ты легко можешь продолжать воплощать его через час или через день. Потому что в тебе зародилась иная жизнь, и ты обязан в свой срок дать с ней познакомиться другим. Иначе нереализованный сюжет тебя измучает, истомит.

В этом главная загадка творчества, которое даётся человеку свыше.

25 июля

Начало августа, а в воздухе уже пахнет осенью: свежестью, сухой листвой, остывшей рекой. Небо, проясняющееся утром солнышком, после обеда затягивается чёрными, беспросветными, тоскливыми тучами.

Хочется тепла. Только не такого, как в Сибири. Там от жары бедствие и от дождей потоп. Мало, что горит тайга во многих местах с такой силой, что Министерство обороны создало специальную авиагруппировку из мощных ИЛов и вертолётов большой грузоподъёмности, так ещё под Ачинском в Красноярском крае вспыхнули склады с боеприпасами, где хранилось 40 000 снарядов. Взрывы, эвакуация жителей.

А рядом в Иркутской области из-за дождей вновь начинается наводнение, тогда как от первого не успели люди прийти в себя.

Но у нас только паугащие своей свинцовой тяжестью тучи над Кремлём. Кажется, так низко они гонимы ветром, что готовы снести шатры башен. Зелень склонов от этой низкой синевы, плотной и враждебной, приобретает уж совсем необычный цвет с глубоким чёрным

оттенком. И только купола церквей и соборов отвечают небу тусклым золотым свечением, замешанным с отражённой синевой протяжённо плывущих над ними облаков.

5 августа

Почему Александр Иванович Куприн написал так много рассказов. Ну, кроме личной способности автора, в первую очередь потому, что этот жанр прозы был востребован читателями. Отсюда рассказы печатали многие газеты (это видно из «Примечаний» к собранию сочинений), платили за них гонорары, на которые мог существовать писатель.

Уже в советское время в 60-е — 80-е годы прошлого века (о которых я могу судить) рассказ как таковой был изгнан со страниц периодической печати. Редкие исключения тут не в счёт. Я сам в то время несколько рассказов опубликовал в газетах, и почти все они были низкого качества, но подходили по тематике. Пространство для малого жанра художественной прозы осталось только на страницах литературных журналов. Да и те отдавали предпочтение повестям и романам. В итоге в русской литературе качество рассказов постепенно снижалось. Последние самые известные представители этого жанра: Юрий Казаков, Георгий Семёнов, Юрий Нагибин, Василий Шукшин. Сюда можно отнести Василия Белова и Валентина Распутина, но они свои литературные имена в большей степени сделали за счёт созданных повестей и отчасти романов (Белов). То же стоит сказать и о Викторе Астафьеве.

Сейчас, как мне кажется, мы переживаем полную потерю интереса читателей к рассказу. Может быть, это происходит из-за того, что нет писателей, способных их создавать должного качества, высокопрофессионально? Или здесь ощущается диктат издателей? Мне трудно об этом судить. Но в сегодняшнее время написание рассказов — дело неблагодарное. Не кормишься.

Интересно, как наше время с точки зрения литературного процесса будут оценивать литературоведы следующих десятилетий.

19 августа

Телеканал «Культура» повторил передачу «Линия жизни» от 2014 года с участием актёра А.Г. Филиппенко, во время которой одна дама спросила: «Как вам удавалось в 70-е — 80-е годы читать со сцены запрещённых тогда Платонова, Зощенко и других авторов?» И ведь не молодая, лет под сорок, наверное.

Филиппенко замялся.

— Нет, Зощенко запрещён не был. К Платонову было отношение непростым... И тут сослался на само «нестандартное» творчество этого писателя.

С утверждением актёра не поспоришь. Что же касается запрета... Я подошёл к стеллажам с книгами. Достал том избранной прозы А.Платонова, вышедший в 1983 году в издательстве «Правда» — 500 000 экземпляров. Другую книгу серии «Классики и современники» издательства «Художественная литература» (тоже 1983 год) — 500 000 экземпляров. Есть у меня и книги Андрея Платоновича издательств «Советская Россия», «Детская литература» (а иллюстрированные тонкие книжицы издавались просто массовыми тиражами) всё того же «тоталитарного прошлого».

Безусловно, писателю было тяжело осознавать, что его повести и роман «Ювенильное море», «Котлован», «Чивенгур» не брали в издательствах. Их опубликовали во второй половине 80-х годов прошлого века. Они не пропали, но всё-таки... Однако, даёт ли это кому-либо право говорить, что творчество писателя было запрещено? При миллионном тираже только за один год? Интересно, сейчас в «свободное» время повести и рассказы Платонова выходят такими же тиражами?

Яд либеральной антисоветской и антирусской пропаганды 90-х годов XX века настолько въелся в сознание большей части нашей интеллигенции, что они не в состоянии увидеть и понять очевидного. Слушаешь иногда подобные высказывания, и попадаешь в какое-то странное состояние: то ли смеяться над неразумностью говорящего, то ли злиться на него.

В деревенском доме на стеллажах в первой комнате отыскал ещё два тома с произведениями Андрея Платонова. Первый: «У человеческого сердца» («Детская литература» 1981 г.) вышел сотысячным тиражом. Открывается вступительной статьёй Е. Краснощёкова такими словами: «Сегодня авторитет прозы Платонова велик и у нас в стране, и за её пределами. Наш современник, читая Платонова, трезво осознаёт и сложность, драматизм его судьбы,

и бессмертия его искусства». Неслабо, да, для «запрещённого писателя» в 334-страничной книге рассказов, которая была сдана в набор, судя по выходным данным, 31.07.1980 года? Второй: («Избранное») и вообще в 445 страниц выпущен издательством «Современник» 200 000 тиражом в 1977 году.

Меня могут спросить: «Зачем столь подробно привожу все эти издательские данные?» Ответ лежит на поверхности. Ложь, ложь и ещё раз ложь о нашем прошлом уничтожает и наше будущее. Ложь во всём – о политике, о социальном состоянии общества, о вооружённых силах, о промышленном потенциале, о культуре и образовании во времена так ядовито названного во времена «перестройки» и уничтожения СССР «застоя». На все эти стенания нынешних либералов «нечем было дышать», «убивалось всё живое», «всё талантливое запрещалось» можно каждый раз отвечать неоспоримыми доказательными фактами. Но изменят ли они что-то в уже раз и навсегда отравленной идеями всё отрицания сознании, воспитанном во времена «шоковой терапии» отечественной псевдо интеллигенции? Я понимаю — нет. А всё равно и писать и говорить надо, если только мы хотим оставить после себя не пустыню извращённой русской истории, а нечто живое, дающее нашим потомкам силы и далее вершить собственную историю с достоинством и гордостью за прошлые времена.

Правда — бесценное сокровище, дающее импульс к созиданию. Ложью движет стремление к бездумному и безумному разрушению.

А проза Андрея Платонова (Климентова Андрея Платоновича, 1899-1951 гг. — если мне быть точным и без всяких псевдонимов), действительно, удивительна и неповторима — зачитался, пока просматривал книги для этой записи:

«Некоторые люди, павшие вчера по пескам от ветра, наутро поднялись и стали оглядываться в чистом свете, среди тишины другого дня...

Народ был весь живой, но жизнь в нём держалась уже не по его воле и была почти непосильна ему. Люди глядели перед собой, хотя и не сознавая ясно, как надо им пользоваться своим существованием; даже тёмные глаза теперь посветлели от равнодушия и не выражали ни внимания, ни силы собственного зрения, точно ослепшие или прожитые насквозь; только одна Айдым хотела быть живой, она не истратила ещё детства и материнского запаса энергии, она смотрела в песок всё ещё блестящими глазами». (Из повести «Джан»).

Вот и мы должны не потерять блеска в глазах.

31 августа – 1 сентября Кунавино